

НАУКА И АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

А. С. Кузнецов

Педагогический институт СГУ

Существование человека и общества невозможно без процессов накопления, хранения и передачи информации, социокультурного опыта. Важную роль здесь играют системы образования и воспитания. Исторически изменчивые, они отражают мировоззрение людей того или иного общества, дух эпохи, культуру народов пр. Развитие современного общества неразрывно связано с развитием науки. Образование и воспитание ориентированы на использование и воспроизведение научных знаний. В ряде государств это зафиксировано законодательно на уровне образовательных стандартов. Но сама наука и научное знание неоднородны. В структуре знания присутствуют как рациональные, так и иррациональные элементы, не укладывающиеся в традиционное понятие научности, например, разного рода религиозные и магические представления; интеллектуальные и сенсорные навыки, не поддающиеся вербализации и рефлексии, социально-психические стереотипы, интересы и потребности; большое число противоречий и парадоксов; следы личных симпатий и антипатий, привычек, ошибок, заведомого обмана. Кроме этого, очевидно, что для любой определенной области действительности можно сформулировать несколько альтернативных теорий, которые будут, с одной стороны, объяснять наблюдаемые явления, а с другой – допускать существование разных объектов исследования. Принято считать, что приоритет в производстве знаний принадлежит науке. Однако ни одна система знания не может считаться безошибочной, ведь само знание таит в себе возможность возникновения заблуждений и ошибок. В связи с этим возникают вопросы о соотношении науки и альтернативного знания в многообразной социокультурной действительности. Эти вопросы можно рассмотреть в рамках актуальной проблемы демаркации науки и ненауки (альтернативного знания).

Наука, как сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний, в своей истории не всегда успешно шла к истине, были и взлеты и падения, да и само значение науки оценивалось обществом в разное время по-разному. В результате естественнонаучных открытий (особенно в XIX веке) именно наука стала восприниматься как носитель истины, последней инстанции, образом беспристрастности и объективности, как абсолютный непререкаемый авторитет. Доминантной чертой науки было изображение ее как двигателя общественного прогресса. Однако, в XX веке вследствие успехов науки в создании оружия массового уничтожения, в результате научно-технической революции и загрязнения окружающей среды благостное отношение к науке сменилось негативным¹. В обществе сложилось отрицательное отношение к науке – антисциентизм, социум приобрел

¹ См.: Холтон Дж. Что такое «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 35-37.

огромное влияние на науку. Но в социально обусловленной динамике производства научного знания в итоге оказываются в наличии объективные результаты, независимые от социального контекста их получения и признания. Процесс отбора научных утверждений, процесс их социализации безусловно сложен. «Но в конечном счете, – отмечает Л. Баженов, – итог все-таки определяется не социальными факторами, а соответствием объективной реальности»¹.

Сместилась сфера исследовательских интересов методологии. «Современная методология исходит из того, что реальная наука постоянно движется, изменяется, перестраивается и методология, целью которой является формулировка критериев научного метода, вынуждена считаться с тем, что критерии эти должны прилагаться к изменяющемуся знанию, т. е. к знанию вечно незавершенному, вечно нарушающему в своей динамике сложившиеся каноны научной рациональности»². В этой вечной незавершенности знания методология обратилась к формам и способам познавательной деятельности, которые прежде квалифицировались как «пограничные», спорные, а то и просто расположенные по ту сторону традиционно принятых границ науки. В сфере методологических интересов оказывается магия, астрология, парапсихология, уфология, комплекс «народных наук» (народная синоптика, народная агрокультура и др.). Итогом стало то, что науку не стали отделять от иных форм познавательного освоения действительности. Эту позицию озвучил П. Фейерабенд. Для него наука – это «наиболее современный, наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт». По характеру своего содержания наука ничем не отличается от мифа, колдовства, магии³. Суть позиции П. Фейерабенда в том, что нельзя найти ни одного методологического предписания (нормы, правила, требования), которое бы никогда в истории науки не нарушалось и притом не нарушалось успешно. Да, история науки свидетельствует, что правила, нормы нарушались, но в изменяющихся условиях развития знания. Вместе с этим сохраняются критерии (объективность, рациональность, системность, проверяемость и т. д.) позволяющие однозначно по четким гносеологическим основаниям идентифицировать научно-познавательную деятельность в ее отличии от псевдонауки и ненауки.

Научное познание ориентировано на адекватное воспроизведение действительности, а научные методы познания и критерии деятельности достаточно эффективны для получения истинного знания. Вместе с этим наука должна бороться с негативным моментом своего функционирования – лже-наукой. Действительно, продуктом последней являются иногда ошибки, ложные идеи и теории. Трудности подстерегают науку уже в процессе познания, но ей приходится сталкиваться наряду с заблуждениями и ошиб-

¹ Баженов Л. Б. Обладает ли наука особым эпистемологическим статусом // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 72.

² Пружинин Б. И. Звезды не лгут или астрология глазами методолога // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. М., 1990. С. 125.

³ См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 450, 161, 369.

ками, с обманом, фальсификациями, недобросовестностью ученых, что дает возможность существования феномена лженауки. В научной среде делались разрозненные попытки противостоять этому процессу, которые предпринимали М. Волькенштейн, В. Филатов, Е. Александров, С. Капица и др.¹ Ситуацией вокруг науки озабочена и Российская академия наук, при президиуме, которой создана «Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований»².

На современном этапе очевидна роль человеческого фактора. В науке подразумевается, что ученые заинтересованы в устранении ошибок, преодолении заблуждений, внимательны к критике. Поэтому научные ошибки долго не живут (заблуждения гораздо более жизнеспособны), чаще всего они исправляются «на ходу». В целом стимулы научной работы доброкачественны. В противном случае наука не смогла бы существовать. Происхождение лженаучного феномена иное, иные и движущиеся силы, мотивация деятельности. Выдвигаются идеи, лишённые подлинной фактуальности и экспериментальной аргументации. Они противоречат логике развития науки, противоречат надёжно установленным научным положениям. М. Волькенштейн отмечает, что «лженаука спекулирует на трудностях с которыми сталкивается общество. Недостаток знаний компенсируется у лжеученых повышенной активностью, стремлением и умением добиваться поддержки во внеученых кругах»³.

Деятельность основанная на принципах и теориях, искажающих законы, выработанные на основе достоверных знаний, можно охарактеризовать как неправильную, ложную. Такой деятельностью может быть и чувственно-предметная, т. е. практика. Рассматривая вопрос о мошенничестве в науке, необходимо учитывать возможность непреднамеренных ошибок или таких ситуаций, когда ученый, фактически невиновный в ошибке, обвиняется в подлоге.

Наука от ненауки отличается, например, тем, что в столкновении с непонятным явлением истинная наука позволяет себе строить предположения о новых законах, лишь исчерпав ресурсы имеющегося знания. Лженаука в таких случаях начинает с радикальных гипотез и ими же и заканчивает, не давая себе труда их проверить. Это безусловно не означает, что какая-нибудь совершенно фантастическая мысль, теория, гипотеза не окажутся истинными, история знает много таких примеров, когда маргинальные течения научной мысли становились ведущими.

При рассмотрении вопросов, связанных с существованием и функционированием науки и лженауки нельзя не учитывать морально-этиче-

¹ Волькенштейн М. В. О феномене псевдонауки // Природа. 1983. № 11; Филатов В. П. О истоках лысенковской «агробиологии». (Опыт социально-философского анализа) // Вопросы философии. 1988. № 8; Александров Е. Теневая наука // Наука и жизнь. 1991. № 1; Капица С. П. Антинаучные тенденции в Советском Союзе // В мире науки. 1991. № 10.

² Проблемы борьбы с лженаукой (обсуждение в президиуме РАН) // Вестник Российской Академии Наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 879.

³ Волькенштейн М. В. Указ. соч. С. 49.

ский критерий их различия. Этические нормы науки защищают характерные именно для науки ценности такие как бескорыстный поиск и отстаивание истины, свобода научного творчества, критицизм и др. Как отмечает Е. Ковшов, «определяющими же мотивами деятельности лжеученого являются вненаучные цели (корысть, тщеславие, честолюбие, месть и т.п.), для достижения которых используются в качестве средств разнообразные приемы интеллектуального мошенничества: различные виды плагиата, фальсификация опытных данных, присвоение чужих результатов и т.д.»¹.

Лженаука – явление жизнеспособное. Борьба путем запретов невозможна и нежелательна. Пропаганде по распространению псевдонауки должна быть противопоставлена широкая популяризация истинных научных положений, и в частности популяризация результатов строго научной проверки псевдонаучных работ, проведенной компетентными специалистами². К сожалению, эти результаты в широкую печать не попадают. Здесь огромную роль играют средства массовой информации, а они имеют тенденцию к сенсационности, к сенсациям имеет прямое отношение и лженаука. В средствах массовой информации красочно представлены альтернативные знания (прорицатели, хироманты, астрологи, «очевидцы» всяких чудес). С научной точки зрения телевидение, радио и печать идут «на поводу» у разного рода шарлатанов. Читатель и слушатель вводятся в заблуждение, дезинформируется. Обыватель хочет верить в чудеса, ему зачастую чужд жесткий детерминизм науки.

Принято считать, что мир неисчерпаем и познание бесконечно. Ведь существуют уникальные факты и возникают вопросы как объяснить на базе имеющихся научных ресурсов многообразие загадочных явлений, которые не укладываются в рамки современной научной картины мира. Нельзя игнорировать необъяснимые (на данном уровне знаний и практики) явления. Как часть многообразия мира существует сфера ненаучного знания, которая включает в себя наряду с обыденным сознанием и познанием, миф, религию, магию, паранаучные явления³. Научным признается верифицируемое знание, «а существование паранауки вызвано наличием таких явлений и сил в природе и человеке, познать которые официально признанными в науке методами невозможно, которые не вписываются в имеющуюся систему научного знания, не могут быть объяснены с позиций, существую-

¹ Ковшов Е. М. Онтологическая обусловленность оснований науки и паранауки // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса* (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5т. Т. 1. М., 2005. С. 599.

² Проблемы борьбы с лженаукой... С. 882; см. также: *Наука и жизнь*. 1999. № 11. С. 16.

³ Парнов Е. И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985; Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. Л., 1987; Яковлев А. А. Модель мистического познания и рефлексия // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* М., 1990; Шантырь Н. Исповедь интрасенса // *Общественные науки и современность*. 1991. № 3; Бескова И. А. О природе трансперсонального опыта // *Вопросы философии*. 1994. № 2; Василенко Л. И. Магия: старое зло или новое благо // *Вопросы философии*. 1994. № 2; Сидорова Н. Н. Паранаука как феномен культуры // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 1995. № 3.

щих теорий, подтверждены или опровергнуты эмпирическими критериями научной практики»¹.

Отмечая широкое распространение ненаучного знания В. Сурдин характеризует часть населения как безропотных потребителей массовой информации (это касается как искусства, так и науки) и исходя из понятия массовой культуры называет это явление массовой наукой². И. Касавин называет эту сферу знаний термином «альтернативные науки». «Альтернативные науки – это наукообразные способы познавательной деятельности, которые частично вовлечены в науку и используются для ее развития, частью охватывают собой исследование феноменов, рассматриваемых наукой как несуществующие, частью лишь паразитирующие на научной терминологии и формах научной коммуникации, добывающиеся финансирования и т. п., социального признания»³. Альтернативные науке знания, имеющие в последнее время большое распространение, создают основу для существования и возникновения множества заблуждений, суеверий, предрассудков и т. д.

Научная деятельность всегда опирается на определенную систему требований, правил, алгоритмов. Сторонники экзотических версий знания очень умело облачают свои взгляды в научные аксессуары современного стиля мышления: изощренную математизацию, системную терминологию, заимствуют экспериментальную технику физиков, биологов, психологов. Активно используется внешняя атрибутика науки: последователи альтернативных знаний именуются часто академиками и докторами. Все это размывает образ истинной науки, принижает ее статус в обществе. Но наука сохраняет за собой «привилегию» давать верифицируемое знание. Альтернативное знание не имеет свойства опытной подтверждаемости, рациональности. Например, астрология, признанная наукой как заблуждение, в последние годы превратилась в повседневную деталь нашего быта. Астрология способна производить расчет движения искусственных и естественных небесных тел, но оперирует неадекватными утверждениями облеченными в наукообразную форму, гороскопы создают иллюзию простоты и доступности «высшего знания» или интерпретации известных теорий и фактов. Б. Пружинин указывает, что «вообще интерпретация есть логико-семантическая процедура, приписывающая значения элементам формальной синтаксической структуры. С ее помощью совокупность строго упорядоченных, но ничего не значащих предложений превращается в знание. Интерпретация задается посредством правил обозначения и правил истинности, которые представляют собой метаязыковые предложения, фиксирующие отношение между языковыми выражениями и внеязыковой реальностью. Но для того, чтобы эта процедура обеспечивала возникновение научно-теоретического знания, она нуждается в определенном

¹ Ковшов Е. М. Указ. соч. С. 599.

² Сурдин В. Г. Критические заметки об астрологии // Астрология: «за» и «против». М., 1990. С. 91.

³ Касавин И. Т. Познание в мире традиций. М., 1990. С. 101.

уточнении – в данном случае она должна обеспечивать соотношение формальной языковой системы с особой областью внеязыковой реальности, а именно с такой реальностью, которая доступна нам в опыте, т. е. непосредственно наблюдаема»¹. В астрологии интерпретация приобретает эмпирический смысл, лишь включаясь в конкретную, всегда ситуативную практику астрологических предсказаний, где именно условный контекст предсказания выполняет (восполняет) роль правил эмпирической интерпретации. Не астрологическая теория, стало быть, а прагматические нужды астрологических предсказаний определяют сферы, где устанавливается эмпирический смысл астрологического знания, последнее поэтому принципиально условно. Именно условность теоретической конструкции и делает ее наиболее эффективным средством предсказания. Человеку в астрологическом предсказании всегда предоставлена возможность пофантазировать, найти «действительные факты» предсказаний, наконец поверить астрологу. Многие прорицатели, предсказатели предсказывают события так неопределенно, что они кажутся неопровержимыми. «Астрология не подвергается проверке. Астрологи до такой степени заблуждаются относительно того, что ими считается подтверждающими свидетельствами, что не обращают никакого внимания на неблагоприятные для них примеры. Более того, – указывает К. Поппер, – делая свои интерпретации и пророчества достаточно неопределенными, они способны объяснить все, что могло бы оказаться опровержением их теории, если бы она и вытекающие из них пророчества были более точными»². К. Поппер, как известно, пришел к выводу, что не сложно найти эмпирические подтверждения (верификации) для любой теории и как следствие сформулировал новый критерий демаркации неучи и ненаучного знания – фальсифицируемость или опровержимость любого научного утверждения.

На общем фоне антисциентистского недоверия к науке альтернативные знания эксплуатируют идею единства человека и природы. Апокалиптический XX век, как и всякий период коренных и трагических событий в истории общества вызвал необычайный подъем мистицизма и религиозности. Для паранаук и альтернативного знания (синонимичность терминов полностью невозможно преодолеть) характерно то, что они, отчасти опираясь на объективную реальность, выводят символические или неопределенные ее интерпретации. Пропагандируя альтернативное мировосприятие и миропонимание, сторонники ненаучного знания используют идею «несокрытости истины» (греч. «aletheia»), ее доступности для обывателя (при этом они не отвечают критериям истинности знания с точки зрения науки).

Оценка той или иной альтернативной науки существенно отличается от оценки некоторой научной теории или направления. Объективные результаты исследований и методы науки имеют смысл в значительной степени независимо от идейной и социальной ориентации, в которую они включены Альтер-

¹ Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 121-122.

² Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 146.

нативные науки, напротив, обладают столь сильной идеологически-мировоззренческой нагрузкой, что вне ее утрачивают большую часть своего смысла. Подлинное значение альтернативных наук выясняется лишь в результате их социально-культурологического анализа; ограниченность методологического подхода к ним обусловлена их нечеткой внутренней структурой, преобладанием в ней предметных, но нормативно-ценностных смыслов, ассоциаций, метафор. Вместе с тем отличие альтернативной науки от науки как таковой не носит абсолютного характера¹.

Помимо научного знания и знания альтернативного существует знание жизненно-практическое. В научной работе больше задействовано теоретическое сознание, в повседневной – обыденное. Обыденное знание имеет точки соприкосновения как с наукой, так и с псевдо- и паранаукой². Формой социальной организации обыденного знания выступает обыденный опыт. В этом опыте обыденное знание организовано не по логике теории, а как набор различных мнений, утверждений, точек зрения, установок. В обыденном знании широко распространены заблуждения и предрассудки.

Связь науки и обыденного знания обнаруживается в первую очередь в историческом генезисе научного знания. Как бы ни была далека от обыденного знания современная, теоретически развитая наука, исторически она так или иначе возникла из донаучного знания. По словам Б. Рассела, «развитая наука строится на элементарной науке, а элементарная наука строится на обыденном здравом смысле»³. Теоретическим обобщением обыденного здравого смысла была физика Аристотеля, которая продолжает существовать в жизненном опыте.

Многообразный жизненно-практический, массовый и индивидуальный опыт – уникальное достояние людей, необходимый, элемент человеческого познания и практики. Обыденное знание регулирует повседневную деятельность людей, оно не требует однозначного нахождения истины и может быть сведено к полезному эффекту. Обыденный опыт выступает как стихийная деятельность зачастую методом проб и ошибок. Компонентом обыденного сознания являются иллюзии, возникающие в результате искаженного восприятия действительности. На этой основе возникают утопии, специфической чертой которых является стремление сконструировать проект социальной действительности и способ его воплощения в жизнь на основе какого-либо отвлеченного принципа, сверх- и надисторического воздействия.

Необходимо отметить, что в реальной жизни, ложь, обман, дезинформация, иллюзии и ошибки очень тесно переплетены, взаимодополняют друг друга. На наш взгляд, именно с этих позиций следует объяснять термин «обыденное заблуждение», который часто употребляется применительно к обыденному знанию, вследствие постоянного присутствия в нем заблужде-

¹ Касавин И. Т. Указ. соч. С. 103.

² Пукшианский Б. Я. Указ. соч. С. 92.

³ Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 528.

ний, отброшенных наукой, нелепиц, абсурдных фантазий, не имеющих логической структуры и опосредованного опытом подтверждения.

Таким образом, исходя из понимания целостности мира, можно сделать вывод, фальсификации, ложь, ошибки в научных исследованиях приводят к существованию феномена лженауки, который выражается в искажении учеными результатов исследований, выдвижение ложных, мнимых гипотез, теорий. Лженаука вводит в заблуждение общественность посредством дезинформации, лжи. Собственно наука, ориентированная на постижение истины, способна достаточно быстро выявить лженаучные теории, опровергнуть их. Однако многие ученые могут, заблуждаясь, создавать псевдонаучные гипотезы и пытаться их реализовать. В современном мире научная рациональность сосуществует с многочисленными иррациональными, но социально-значимыми псевдонаучными видами теории и практики. Существующие критерии демаркации науки и альтернативного знания позволяют успешно, но не абсолютно разграничивать науку и паранауку. Нападки на науку, также как и ее защиту, претензии альтернативных наук на усмотрение истины и принципиальная невозможность ими достигнуть истины в знании – все это есть своего рода апория самой рациональности. Альтернативное знание, в том числе обыденное, создает основу для существования заблуждений, суеверий, предрассудков, которые характеризуются общедоступностью, ориентацией на человека, его психологию, идеей приобщения к космосу, разуму, таинству.